

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ВОЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ВРЕДА ПОТЕРПЕВШИМ

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Научно-практическое пособие

Ответственный редактор
кандидат юридических наук, доцент
С.П. Кубанцев

Москва
Юридическая фирма
КОНТРАКТ
2016

УДК 343
ББК 67.408
В64

*Одобрено на секции публичного права Ученого совета
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

Рецензенты:

Л.В. Иногамова-Хегай — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);

Е.В. Пуляева — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование: научно-практическое пособие / А.С. Автономов, В.Ю. Артемов, И.С. Власов и др.; отв. ред. С.П. Кубанцев. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2016. — 304 с.

ISBN 978-5-98209-174-1

Одной из целей наказания во всем мире признается восстановление социальной справедливости. Психологический аспект данного принципа реализуется с помощью назначения соответствующего наказания субъекту преступления, в то время как материальный (экономический) оставался не до конца проработанным вплоть до второй половины XX века, когда некоторые страны пошли по пути создания специализированных фондов помощи жертвам преступлений.

В книге проведено исследование механизмов компенсации вреда, причиненного преступлением, закрепленных в законодательстве и применяемых на практике в государствах ближнего и дальнего зарубежья, а также международно-правовой опыт в этой области. Проанализированы исторические этапы развития института возмещения вреда, эволюция подходов к понятию справедливого правосудия.

Выявлены проблемы российского законодательства, связанные с компенсацией пострадавшим вреда, причиненного преступлением. Предложены способы оказания помощи, которая может заключаться в социальных программах, юридической и психологической поддержке, фактическом возмещении материальных затрат, в частности, за счет специализированного фонда. Рассматриваются направления расходования денежных средств такого фонда и механизмы контроля за их расходованием; правовой статус и категории лиц, которые имеют право на получение компенсации за счет средств фонда.

Для научных работников, практикующих юристов, представителей общественных организаций и бизнес-сообщества, преподавателей, студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов, а также для широкого круга читателей, сталкивающихся с проблемами восстановления нарушенных прав.

УДК 343
ББК 67.408

© Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, 2016

ISBN 978-5-98209-174-1

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

CRIME VICTIMS REDRESS IN FOREIGN COUNTRIES

Scientific and practical guide

Executive editor
PhD, Associate Professor
S.P. Kubantsev

Moscow
Law firm
CONTRACT
2016

*Approved at the Public Law Section of the Scientific Council
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of Russian Federation*

Reviewers:

L.V. Inogamova-Khegai — LL.D., Professor, Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Law Academy);

E.V. Pulyaeva — Ph.D., Senior Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation

Crime victims redress in foreign countries: Scientific and practical guide / A.S. Avtonomov, V.Yu. Artemov, I.S. Vlasov, etc.; executive editor S.P. Kubantsev. — M.: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Law firm CONTRACT, 2016. — 304 p.

ISBN 978-5-98209-174-1

One of the purposes of punishment in the world recognized the restoration of social equity. The psychological aspect of this principle is performed by assigning the appropriate punishment to the crime committers, while the material (economic) aspect remained not fully realized until the second half of the 20-th century, when a number of countries have chosen to create specialized funds for victims crime.

The realization of the economic potential of the victims of crime is on the path of social programs, the provision of juridical and psychological assistance to victims of crime, as well as the way the real redress for material damage caused by crime.

Only this approach allows the victim to be independent of a number of causes and conditions related to the defendant, the quality of the work of the investigating authorities to find the offender and his property, and the restoration of social justice in society becomes more filled with the content side, created an conditions in which the compensation to the victim harm caused by a crime, it is equally inevitable, just as the punishment for a crime.

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

Автономов А. С., д-р юрид. наук, профессор (Предисловие);

Артемов В. Ю., канд. юрид. наук (Австралийский Союз, Мусульманские страны);

Власов И. С., канд. юрид. наук, заслуженный юрист РФ, доцент (Федеративная Республика Германия);

Голованова Н. А., канд. юрид. наук, заслуженный юрист РФ (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Кубанцев С. П., канд. юрид. наук, доцент (Введение, Соединенные Штаты Америки, Заключение) – ответственный редактор;

Меньших А. А., канд. юрид. наук (Французская Республика);

Морозов А. Н., канд. юрид. наук (Международный опыт правового регулирования);

Сакович О. М., канд. юрид. наук (Чешская Республика);

Семькина О. И., канд. юрид. наук (Государства–участники Содружества Независимых Государств);

Сидоренко Э. Л., д-р юрид. наук, профессор (Возмещение потерпевшим материального вреда. Опыт России);

Трефилов А. А., канд. юрид. наук (Швейцарская Конфедерация);

Трешетенкова Н. Ю. (Польская Республика);

Чернухина Л. С. (Канада).

AUTHORS

Avtonomov A. S., LLD, Professor (Preface);

Artemov V. Yu., PhD. (Commonwealth of Australia, Muslim countries);

Vlasov I. S., PhD, Honored Lawyer of the Russian Federation, ass. Professor (Federal Republic of Germany);

Golovanova N. A., PhD, Honored Lawyer of the Russian Federation (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland);

Kubantsev S. P., PhD, ass. professor (Introduction, United States of America, Conclusion) – executive editor;

Menshikh A. A., PhD (French Republic);

Morozov A. N., PhD (International experience of legal regulation);

Sakovich O. M., PhD (Czech Republic);

Semykina O. I., PhD (Commonwealth of Independent States);

Sidorenko E. L., LLD, Professor (Crime victims redress in Russia);

Trefilov A. A., PhD (Swiss Confederation);

Treschetenkova N. Yu. (Republic of Poland);

Chernukhina L. S. (Canada).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	13
ВВЕДЕНИЕ	24
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	29
СТРАНЫ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА	41
ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИЯ	41
ПОЛЬСКАЯ РЕСПУБЛИКА	56
ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА	92
ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА	105
ШВЕЙЦАРСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ	129
СТРАНЫ АНГЛОСАКСОНСКОГО ПРАВА	147
АВСТРАЛИЙСКИЙ СОЮЗ	147
КАНАДА	161
СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ	183
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ	215
МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМСКИХ РЕСПУБЛИК ИРАН И ПАКИСТАН	230
СТРАНЫ — УЧАСТНИКИ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ	245

Содержание

ВОЗМЕЩЕНИЕ ПОТЕРПЕВШИМ МАТЕРИАЛЬНОГО ВРЕДА. РОССИЙСКИЙ ОПЫТ	279
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	298

CONTENTS

PREFACE	13
INTRODUCTION	24
INTERNATIONAL EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION	29
COUNTRIES OF CONTINENTAL LAW	41
FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY	41
REPUBLIC OF POLAND	56
FRENCH REPUBLIC	92
CZECH REPUBLIC	105
SWISS CONFEDERATION	129
COUNTRIES OF COMMON LAW	147
COMMONWEALTH OF AUSTRALIA	147
CANADA	161
UNITED KINGDOM OF GREAT BRITAIN AND NORTHERN IRELAND	183
UNITED STATES OF AMERICA	215
MUSLIM COUNTRIES (ISLAMIC REPUBLICS OF IRAN AND PAKISTAN)	230
COUNTRY-MEMBERS OF COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES	245

Contents

**CRIME VICTIMS REDRESS
IN RUSSIA** 279

CONCLUSION 298

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возмещение вреда потерпевшим от деяний, признаваемых преступными, издавна рассматривалось в качестве одного из необходимых условий восстановления или установления справедливости при отправлении правосудия. Как указывал Аристотель в «Никомаховой этике», «...правосудие, [или право], — это законное и справедливое, а неправосудие, [или неправовое], — это противозаконное и несправедливое»¹. В древнегреческом тексте эта фраза выглядит следующим образом: «...δίκαλον ἄρα τὸ νόμιμον καὶ τὸ ἴσον, τὸ δ' ἄδικον τὸ παράνομον καὶ τὸ ἄϊσον»². В приведенной цитате Аристотеля в сравнении ее с древнегреческим оригинальным текстом важно для данного исследования обратить внимание на три обстоятельства.

Во-первых, уже с глубокой древности и справедливость, и законность рассматривались в качестве важнейших компонентов правосудия, без каждого из которых действительного правосудия быть не может. Далее это положение будет рассмотрено подробнее.

Во-вторых, из сказанного Аристотелем можно сделать вывод, что осуществленное правосудие — это и есть воплощенное право. Аристотель прямо об этом не говорит, но не удивительно, что переводчик (Н.В. Брагинская) после слова «правосудие» ставит в квадратных скобках слово «право» с добавлением союза «или», поскольку Аристотель использует одно и то же слово (δίκαλον) для обозначения и правосудия, и права. При этом в основном в той части «Никомаховой этики», откуда взята цитата, указанное слово используется, исходя из контекста, именно для обозначения правосудия. Прочитанная фраза, если бы она была представлена изолированно, могла бы быть переведена двояко: она могла бы обозначить аристотелевское понимание как права (и даже скорее права), так и правосудия, но, учитывая предшествующее прочитанной фразе предложение, в котором Аристотель пишет о правосудном (δίκαλος) как о законопослушном (νόμιμος) и справедливым (ἴσος), то ясно, что речь в данном случае идет о правосудии, хотя переводчик правильно показывает, что этим же термином Аристотель может пользоваться и для обозначения не только правосудия, но и права.

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 146 (1129a35–1129b1).

² ΗΘΙΚΩΝ ΝΙΚΟΜΑΧΕΙΩΝ Ε. 2 // Aristoteles. Graece. Ex recensione Immanuelis Bekkeri. Edidit Academia Regia Borussica. Volumen alterum. Berolini, Apud Georgium Reimerum, a 1831, ex officina academica. P. 1129.

В-третьих, Аристотель не смешивает право и закон. Рассмотрение соотношения права и закона не входит в задачи настоящего исследования, поэтому останавливаться на этом подробно не представляется возможным, однако нельзя этого и не отметить.

А вот вопрос о справедливости в правосудии как раз относится, как уже отмечалось, к данному исследованию, поскольку возмещение вреда потерпевшему в результате совершения преступления представляет собой одно из составляющих утверждения справедливости при отправлении правосудия. В приведенной выше цитате для обозначения справедливости Аристотель использует слово «ἴσον», что можно также передать на русском языке как «равнозначность», «равноценность», но в то же время и как «уравновешенность», «сбалансированность». Далее Аристотель рассуждает о необходимости ради справедливости учета разнообразных субъективных и объективных обстоятельств и факторов деяния и приходит к выводу, что «связующим является именно такое право — расплата, основанная, однако, не на уравнивании, а на установлении пропорции»¹. Словом «право» в данной цитате переводится древнегреческое слово «δίκαιον», словом «уравнивание» — древнегреческое слово «ἰσότης», словом «пропорция» — древнегреческое слово «ἀναλογία»². Таким образом, соразмерность является одним из важнейших составляющих справедливого судебного решения по уголовному делу. Кстати, смысл слова «δίκαιος» передается в ряде работ Аристотеля словом «справедливый», а не только «правовой» или «правосудный».

На протяжении веков шли споры о соотношении справедливости и законности при отправлении правосудия. Еще в глубокой древности сторонники ставки, прежде всего, на жесткие и даже жестокие законы полагали, что с помощью строгих, подробно регламентирующих те или иные стороны жизни законов и неукоснительного их исполнения, чего можно добиться суровыми наказаниями за их нарушение, управленцы способны решить любые проблемы, стоящие перед обществом и государством, обеспечив стабильность и процветание для всех. Такое упование на законы и наказания для их обеспечения наблюдается у многих народов, начиная с ранних периодов формирования права как социального явления. Например, такой подход проявился в Законах, составленных Драконтом в Афинах в 621 г. до н.э. Считается, что известный афинский политик и оратор IV в. до н.э. Демад сказал о них: «δι' αἵματος, οὐ διὰ μέλανος, τοὺς νόμους ὁ Δράκων ἔγραψεν» («кровью, а не чернилами законы Драконт

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 155 (1132b34).

² См.: НΘΙΚΩΝ ΝΙΚΩΜΑΧΕΙΩΝ Ε. 6 // Aristoteles. Graece. P. 1132.

написал»). Они были отменены или фактически не применялись со времен Солона (начало VI в. до н.э.), однако после олигархического переворота 411 г. до н.э. были заново высечены на каменной стеле, находившейся городской на площади, для всеобщего ознакомления и руководства. Считается, что они действовали еще в IV в. до н.э.

Почти на противоположном конце Евразии, в Китае, в IV—III вв. до н.э. существовала, развивалась и была довольно популярной Школа фа цзя¹ (по-китайски 法家), название которой на русский язык переводится как школа законников или школа легистов, также гипертрофирующая роль законов как государственных установлений и роль репрессий в качестве обеспечения их исполнения.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение ни Законов Драконта, а также их обоснования и оценок, ни теории и практики сторонников Школы фа цзя, полагаем необходимым отметить, что их возникновение независимо друг от друга, поскольку появились и эволюционировали они в разных частях мира, не связанных в то время между собой, чем, собственно, и подтверждается их самостоятельность, — свидетельствует о наличии в развитии правовой теории и практики объективной закономерности, выражающейся в определенные исторические периоды, прежде всего, на заре зарождения права как социального явления в абсолютизации издаваемых государством нормативных актов — законов — и жестоких карательных мер как единственного средства их обеспечения. В такие периоды укрепляется роль закона, совершенствуются механизмы приведения его в действие, прорабатывается юридическая техника, но в эти же периоды становится ясно, что только нормами, опирающимися исключительно на государственную волю и принуждение, невзирая на все иные обстоятельства, разрешить проблемы, стоящие перед обществом и государством, и обеспечить стабильность невозможно. В результате осознания недостаточности произвольно устанавливаемых государством норм начинаются поиски чего-то, дополняющего законность, и в итоге обращаются к справедливости.

В Древнем Китае, например, Школе законников традиционно противостояло конфуцианство, которое в самом Китае традиционно называется Школой образованных людей (по-китайски 儒家). Основателем Школы, как известно, признается Конфуций (настоящие его имена Кун Цю 孔丘 и Кун Чжунни 孔仲尼), живший во второй половине VI — первой трети V в. до н.э. Одним из принципов конфуцианства считается принцип справедливости — «и» (по-китайски 義).

¹ См.: Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая (VI в. до н.э. — 80-е годы XX века). М.: Наука, 1981.

Конфуций не отрицал юридических законов, но отводил им скромную роль, в отличие от добродетели и ритуала — «ли» (по-китайски 禮). В книге «Луньей» указывается: «Если править с помощью закона, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность»¹. В III в. до н.э. в условиях господства Школы фа цзя на сторонников конфуцианства обрушились гонения — многие из них были убиты, конфуцианские писания сжигались. В то же время один из известных теоретиков Школы законников Вэй Ляо выступал за придание легизму большей гуманности в духе конфуцианства.

Как бы то ни было, легизм пришел в упадок, и конфуцианство восстановило свои позиции господствующего учения, но целый ряд теоретических положений мыслителей Школы законников, прежде всего идей патриарха указанной Школы Шеня Бухая, были включены в конфуцианство, поскольку Школа образованных людей самостоятельно практически не разрабатывала концепцию закона (法) и управления посредством законов, а потребность у правителей в этом существовала и существует.

На протяжении истории права во всех странах, как уже говорилось, периодически придавали большее значение то законности, то справедливости, хотя, очевидно, невозможно обойтись ни без одного, ни без другого. В Англии в Средние века в составе единой правовой системы даже сформировалась подсистема, именуемая правом справедливости (law of equity), существовавшая длительное время рядом с общим правом (common law) и даже при определенных обстоятельствах в противовес ему вследствие излишнего формализма, консерватизма и ограниченности по кругу регулируемых вопросов изначально сложившегося общего права. Справедливость потребовалась для дополнения общего права, восполнения обнаруженных в нем пробелов, а позже и корректировки устаревших норм².

Вместе с тем, хотя справедливость (equity) формально не была связана с действовавшим законом (law) и вследствие этого в какой-то мере противопоставлялась ему, на деле она не была каким-то внеправовым и чуждым праву феноменом. Канцлеры, опиравшиеся на справедливость при вынесении решений по разбираемым делам, имели, как правило, университетское образование, изучали римское и каноническое право. Первоначально некоторые из канцлеров были юристами, а позже канцлерами назначали только юристов. Через Суд

¹ Конфуций. Уроки мудрости. М.: ЭКСМО-ПРЕСС—Харьков: Фолио, 1999. С. 20, 21.

² См.: Baker J. An Introduction to English Legal History. 4th ed. L.: Butterworths, 2002. P. 97.

канцлера в Англию проникало римское право, хотя, в отличие от континентальной Европы, и без прямых ссылок на древнеримских авторов, на работы глоссаторов и постглоссаторов. Первоначально практика регулирования менялась от канцлера к канцлеру, но со временем право справедливости формализовалось, сложилась система собственных прецедентов. В ходе реформы 1873–1875 гг. в Англии и Уэльсе процессуально право справедливости влилось в общее право, однако институты, сформировавшиеся в составе права справедливости, сохраняют и сегодня свою специфику. При этом особенности права справедливости сохраняются в той или иной степени во всех странах, входящих в англосаксонскую правовую семью.

Конечно, право справедливости зародилось и эволюционировало в странах англосаксонской правовой семьи в частноправовой, а не уголовно-правовой сфере; да и возмещение вреда потерпевшему от преступления осуществляется главным образом в рамках деликтного права (*tort law*), которое появилось и развивается в составе общего права, хотя и праву справедливости известны противоправные деяния, именуемые правонарушениями (*equity wrongs*)¹, например вопросы, относящиеся к институту неосновательного обогащения (*unjust enrichment*)², который используется в том числе и для возмещения вреда потерпевшему от ряда преступлений.

Между тем обращение к праву справедливости в странах англосаксонской правовой семьи, на наш взгляд, важно для осознания того, что справедливость может достойно выступать в правовой сфере под своим собственным именем, а не анонимно существовать в качестве компонента правосознания, а, возможно, и правового под-сознания, безымянно проявляясь при составлении проектов нормативных актов (в том числе и законов) и в ходе правоприменения. Такая анонимность ведет в отдельные эпохи к непониманию и даже отрицанию справедливости при подготовке законов и при отправлении правосудия. Закон превращается в произвольное установление властного органа (властных органов), т.е. в воплощенный произвол, а деятельность суда — в процесс принудительного насаждения такого воплощенного произвола. Иногда опирающийся на произвол закон может отразить господствующие в обществе представления о справедливости, поскольку законодатель не избегает сознательно справедливости, а просто не считается с господствующими в данном обществе в данную эпоху представлениями о справедливости, но в целом это не меняет состояние такого законодательства как вопло-

¹ См.: Worthington S. *Equity*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006.

² См. подробнее: Birks P. *Unjust Enrichment*. 2nd ed. L.: Clarendon Press, 2005.

щенного произвола и судебной деятельности как принудительного внедрения правил, основанных на произволе. Такое состояние законодательства и законоприменения в Европе в один из периодов Средневековья породило поговорку на латыни «*summa lex, maxima iniustitia*», т.е. «наивысший закон — наибольшая несправедливость». Но эпоха произвола не может длиться долго и заканчивается потрясениями и в конце концов сменой правителей.

В России в середине 90-х гг. XX столетия в связи с подготовкой проекта нового Уголовного кодекса (УК РФ) развернулась дискуссия о том, нужен ли принцип справедливости в уголовном праве и уголовном судопроизводстве. В итоге принцип справедливости (ст. 6) наряду с принципом законности (ст. 3) и другими принципами был закреплен в УК РФ¹, вступившем в силу 1 января 1997 г. Идея справедливости нашла отражение и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) 2001 г.² Так, в ч. 2 ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства» УПК РФ говорится: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». В обоих российских кодексах справедливость представлена как конкретное понятие, раскрываемое в контексте регулируемых соответствующим кодексом правоотношений.

Обычно во все времена и у всех народов при отправлении правосудия наблюдалось сочетание в том или ином соотношении законности и справедливости. При этом предполагается, что и любой закон должен покоиться на справедливости, только тогда он будет по-настоящему действенным.

Как уже говорилось, возмещение вреда потерпевшему от преступных деяний с давних времен рассматривается в разных правовых системах при отправлении правосудия в качестве одного из условий восстановления или установления справедливости вне зависимости от наличия слов «справедливость», «справедливый» и т.п. в нормативном правовом акте или решении (приговоре) суда.

На стадии зарождения и раннего развития права кровная месть вытесняется иными наказаниями. В Афинах, по законам Драконта, вводились, как уже отмечалось, жестокие наказания, главным образом смертная казнь, но о возмещении вреда потерпевшим речи не шло. В значительной же части ранних государств месть старались

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

² Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

заменить денежными штрафами и денежным же возмещением в пользу потерпевших. Таким путем пошли, к примеру, в Древнем Риме, начиная с Законов XII таблиц. Смертную казнь и изгнание в Древнем Риме на ранних стадиях развития оставили в качестве наказания за наиболее тяжкие преступления, в основном против государства. Что же касается практически всех преступных деяний против отдельных граждан, то они обозначались словом «деликт» (*delictum*) и предполагали возмещение вреда потерпевшему штрафные санкции также в пользу потерпевшего¹. В других ранних государствах шли сходные процессы перехода от кровной мести к денежному возмещению вреда в пользу потерпевшего и к денежным штрафам, однако зачастую штраф в качестве наказания за совершенное преступление выплачивался в казну (правителя, города-государства и проч.), а возмещение вреда шло в пользу потерпевшего.

Так, в Древней Руси противоправное деяние именовалось «обидой». Это слово встречается в Краткой Русской Правде: в самом начале документа, в той части, которая обычно при опубликовании считается статьей 2, а в Академическом списке XV в. на листе 49, на строке сверху 21 (или снизу — 5) при описании наказания за побои и способа доказывания находим слова «за обиду» (*за обиду*²). Согласно указанному документу за побои полагалось вместо мести «взять ему за обиду 3 гривны, а лекарю — плату» (*взатиемоузаобидоу. ǃ гривнѣ. алѣтцюмъзда*³). Штраф в пользу князя именовался вирой или продажей, а плата в пользу потерпевшего — головничеством в случае убийства или уроком в случае совершения иных наказуемых противоправных деяний (впрочем, уроком назывались многие виды выплат)⁴. Впрочем, если дело рассматривалось церковным судом, то штраф делился между князем (9/10 части) и церковью (1/10 часть): «А своимъ тиоуномъ | приказываю соуда це|рковнаго не обидѣти | и съ соуда давати ѣ ча|стии князю, ǃ-нѣ с(вя)тѣ|и церкви»⁵. У древних германцев штраф, аналогичный головничеству или продаже, назывался *вергельдом* (*Weregild, wergild, wergeld, wergeld*).

¹ См. подробнее, к примеру: Климович А.В. Обязательства из деликтов в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1 (40). С. 44–50.

² Правда роськая. Академический список. Лист 49.

³ Правда роськая. Академический список. Лист 49.

⁴ См.: Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Издательство Московского университета, 1953. С. 137–174 (материалы для словаря Русской Правды).

⁵ Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных (Синодальный извод) // Древнерусские княжеские уставы. XI–XV вв. М.: Наука, 1976. С. 23.

В раннем исламском праве сочетались различные наказания. Например, за умышленное убийство полагалась смертная казнь, поскольку за это преступление полагалось наказание-возмездие, именуемое «кисас» (по-арабски قَتْلٌ), а за неумышленное убийство материальное возмещение, называемое «дийа» (по-арабски دِيَّةٌ), семье убитого. Материальное возмещение могло производиться в денежной форме или в натуре: «...Пеня за убийство (*дийа*) должна составлять 100 верблюдов или 1000 динаров, или 10000 // дирхамов, или 2000 овец, или 200 одеяний, или, наконец, 200 голов крупного рогатого скота... А ученые мединской школы исчисляют стоимость пени за убийство серебром в 12000 (дирхамов)»¹. Изначально дийа выплачивалась в качестве погашения за отказ от кровной мести. При этом по желанию родственников кисас мог быть заменен на дийю.

За ряд преступлений в исламском праве полагается наказание, именуемое «хадд» (по-арабски حَدٌّ), которое налагается именно за нарушение закона, а не просто за действие против отдельного человека. Между тем назначение хадда не освобождало преступника от возмещения вреда потерпевшему: «Если вор совершает такую кражу, за которую следует отрубить руку, но до того, как это приведет в исполнение, он потеряет правую руку в сражении, в результате кровомщения или иным каким-нибудь образом, то ему (за эту кражу) не отрубает левую ногу, но подвергается он жестокому наказанию, несет материальную ответственность за украденное и заключается в тюрьму»².

Итак, на *первом этапе* в истории института возмещения потерпевшему за вред, понесенный в результате преступления, уголовный и гражданский процессы еще тесно переплетены. Указанное возмещение, как правило, является обязательным компонентом последствий судебного осуждения человека за совершенное противоправное деяние. Такое возмещение может составлять часть наказания или даже все наказание преступника, поскольку оно воспринимается потерпевшим и окружающими как замещение мести. Видимо, поэтому возмещение потерпевшему или его родственникам в случае убийства производится в заранее установленных законом для конкретного преступления размерах без какой-либо оценки реально понесенных убытков, упущенной выгоды, физических или моральных страданий или иных элементов, из которых складывается вред.

¹ Абу Йусуф Йакуб. *Китаб ал-харадж (Книга о харадже) // Хрестоматия по исламу.* Пер. с арабск. / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 175.

² Абу Йусуф Йакуб. *Указ. соч.* С. 195.

Постепенно уголовный и гражданский процесс обособляются друг от друга. Уголовное право и уголовный процесс все больше нацеливаются на борьбу с преступлениями как антиобщественными явлениями, складывается представление о преступлении как о деянии, нарушающем общее благо, а не исключительно права и интересы отдельных лиц. Тяжесть преступления характеризуется ее общественной опасностью, а не вредом, нанесенным отдельному человеку или даже нескольким отдельным лицам. Принцип публичности, доведенный до предела, в некоторых странах повлек за собой исключение потерпевшего из числа лиц, имеющих самостоятельный статус в уголовном процессе, отличающий его именно как потерпевшего от других участников уголовного процесса. Поэтому *второй этап* в истории института возмещения потерпевшему за вред, понесенный в результате преступления, характеризуется перемещением этого института в сферу гражданского права. В некоторых странах (например, в России) гражданский иск о возмещении вреда может быть подан и рассматриваться одновременно с уголовным делом, в котором истец является потерпевшим, а ответчик — подсудимым, в других же странах (к примеру, в США) одновременное рассмотрение двух процессов одним судьей, хотя и по разным правилам, невозможно в силу запрета этого законом; потерпевший, если он хочет получить возмещение, обязан подать гражданский иск, который будет рассматриваться отдельно от уголовного процесса¹.

Такая ситуация сложилась не сразу. В Древнем Риме уголовный процесс, приобретая черты инквизиционного процесса, постепенно обособлялся от гражданского процесса. Однако права потерпевших защищались по-прежнему в рамках деликтного права, причем некоторые из деликтов уже стали рассматриваться фактически в качестве уголовных преступлений в силу осознания их общественной опасности, но защита потерпевшего продолжала осуществляться частноправовыми средствами.

На Руси шагом в развитии законодательства, по сравнению с Русской Правдой, послужило введение в действие Псковской судной грамоты², но последняя не отошла от принципиальных положений, закрепленных в Русской Правде в отношении потерпевших, за исключением того, что в Грамоте величина выплаты потерпевшим

¹ См.: Бернам У. Правовая система Соединенных Штатов Америки. Вып. 3. М.: Новая юстиция, 2006. С. 692.

² См.: Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. С. 42—72.

чаще всего прямо не указана. В то же время ст. 52 Псковской судной грамоты установила, что в случае, если суд не выносил решения о возмещении вреда потерпевшему или его семье, то и продажа (штраф) в казну не уплачивалась.

В Германии согласно Саксонскому зеркалу¹ (XIII в.) предусматривались наказания за процессуальные правонарушения в виде штрафа (Gewette) судье и пени (Busse) противостоящей стороне в деле, а также санкции за правонарушения — смертная казнь, калечащие наказания, телесные наказания, лишение и ограничение прав, штраф, пеня, вергельд (хотя и по ограниченному составу преступлений) и прямое возмещение вреда. Возмещение вреда (Wandel) потерпевшему сохранялось как важнейший и обязательный компонент негативных последствий для правонарушителя. Однако, по сравнению с более ранними актами, Саксонское зеркало для большинства правонарушений предусматривает комбинацию возмещения вреда потерпевшему с тем или иным наказанием, назначаемым судом.

А вот Каролина (1532 г.) уже вовсе не предусматривает возмещения потерпевшему, сосредоточившись исключительно на наказаниях. Единственные несколько статей, где говорится об имуществе, что может получить лицо, у которого оно было похищено или изъято в результате грабежа, это ст. ССVII—ССXIV². Эти статьи устанавливают порядок возвращения имущества, которое было похищено, затем обнаружено и передано в суд, а вор при этом сбежал и не был захвачен. Но такое возвращение имущества его законному собственнику нельзя рассматривать в качестве компенсации.

В России Соборное уложение 1649 г. было посвящено весьма широкому кругу правоотношений, которые в современных условиях были бы отнесены к разнообразным отраслям права. И все же нельзя не заметить, что вопросы возмещения вреда потерпевшим сосредоточились главным образом в статьях цивилистического содержания.

А к XIX в. устоялось мнение о том, что возмещение вреда потерпевшим не имеет отношения к уголовному праву, в силу чего соответствующие положения, например, в России были помещены в Книгу V «Законы гражданские и межевые» Свода законов Российской империи, а в Германии — в Германское гражданское уложение.

Вместе с тем с конца XIX в. во многих государствах вначале на теоретическом, а затем и на практическом уровнях стал поднимать-

¹ См.: Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В.М. Корецкий. М.: Наука, 1985.

² См.: Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1967. С. 133–136.

ся и обсуждаться вопрос, каким образом можно было бы обеспечить справедливое возмещение потерпевшим в результате преступных деяний, так как во многих случаях оказывалось, что осужденный не располагает достаточными средствами для выплаты соответствующей компенсации.

И вот в XX столетии в ряде стран были созданы фонды, из которых выплачивается возмещение вреда потерпевшим, а затраты фондов компенсируются за счет средств, взыскиваемых с осужденных за уголовные преступления. Таким образом, начался *третий этап* в истории института возмещения потерпевшему за вред, понесенный в результате преступления. Можно предположить, что к такому положению вещей привело дальнейшее развитие публичности в уголовном судопроизводстве, которая предполагает, что борьба с преступностью носит публичный, т.е. общественный, характер. И раз государству не удается предотвратить совершение преступления, то оно отвечает за создание условий, которые позволили бы сгладить последствия преступных деяний, чему способствует своевременное и адекватное возмещение вреда потерпевшим. Кроме того, в современном праве ряда стран наряду с лицами, имеющими статус потерпевших, стали появляться и лица, которых в той или иной степени затронуло преступное деяние, но которые имеют статус, отличный от статуса потерпевшего. Так, в законодательстве тех или иных стран рядом с потерпевшим оказались пострадавший от преступления, жертва преступления.

Еще одной современной новацией служит появление международно-правовых актов, посвященных правосудию вообще и возмещению вреда потерпевшим в частности. Собственно, современному состоянию дел в данной сфере и посвящена данная книга.

ВВЕДЕНИЕ

Приступая к написанию данной работы коллектив авторов поставил перед собой цель: определить тот комплекс правового регулирования, который необходим как для обеспечения возмещения вреда лицам, пострадавшим от преступлений, так и для восстановления социального равновесия в обществе, нарушаемого уже самим фактом совершения преступления.

Для достижения поставленной цели было проведено исследование законодательства, доктринальных и законодательных подходов к определению круга лиц, имеющих право на получение компенсаций, принципов организации и работы органов, осуществляющих компенсационные выплаты потерпевшим, количества и качества услуг, предоставляемых такими органами соотношения степени вовлеченности в данный процесс государства и негосударственных образований.

Поставленные цели и задачи исследования определили структуру работы. Сначала приводится международный опыт закрепления прав жертв преступления на эффективное восстановление в своих правах, международно-правовых актов и международных актов ООН, Европейской Конвенции о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений от 24 ноября 1983 г., а также резолюций и рекомендаций Совета Европы. Затем на примере конкретных стран рассматриваются способы и механизмы имплементации на национальном уровне международных правовых норм, в том числе так называемого мягкого права.

В качестве приоритетных для исследования в рамках Европейского Союза были определены такие страны, как Федеративная Республика Германия, Французская Республика, Швейцарская Конфедерация, Польская Республика, Чешская Республика. На примере указанных стран можно проследить подходы к формированию законодательства западно-европейской правовой традиции, а также способы законодательной интеграции, применяемые в странах Восточной Европы.

Среди представленных европейских государств можно заметить разносторонность и самобытность подходов не столько к способам реализации права жертвы преступления на возмещение вреда, причиненного преступлением, сколько к формированию и финансированию органов, осуществляющих такую помощь.

Например, в Германии фонды помощи жертвам преступлений учреждены на уровне земель, а во Франции создан единый государственный фонд с отделениями в провинциях. Вместе с тем в Германии изначальное финансирование фонда производится за счет бюджетов земель, которые впоследствии могут получить из государственного бюджета компенсацию до 40% расходов, в то время как во Франции финансирование фонда осуществляется за счет средств государственного бюджета.

Интересные подходы внедрены на территории Польской Республики, где существует Хартия прав жертвы преступления и законодательно закреплено право жертвы на медиацию и примирение с виновным. В Чехии существуют законодательные решения, больше присущие странам общего права, когда компенсации подлежат в том числе и отдаленные последствия, которые могут возникнуть в будущем у жертвы, а также потенциальные трудности, связанные с ограничением социальной востребованности. При этом в случае невозможности определения четкого размера компенсации он определяется на основании норм о порядочности.

Другие страны, исследованные в данной работе, являются наиболее яркими представителями англосаксонской правовой семьи — Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Австралийский Союз и Канада. Полагаем, что одно только действие судебного прецедента как источника права уже говорит об особенном подходе к пониманию права в данных странах, когда даже установленный в законодательном порядке круг лиц, имеющих право на компенсационные выплаты, вполне может варьироваться в зависимости от видения конкретной ситуации судом.

Другой особенностью этих стран является разветвленность и даже «разбросанность» правовых норм, регулирующих схожие правоотношения. К примеру, в США только на федеральном уровне вопросам права жертвы на возмещение вреда, причиненного преступлением, посвящено более 30 законодательных актов, а с учетом всех правовых систем, существующих на территории данного государства, мы сталкиваемся с сотнями нормативных правовых актов, так или иначе регулирующих данные вопросы. При этом от штата к штату могут различаться и сроки подачи заявления о выплате компенсации, и максимальные суммы такой компенсации, а также круг лиц, имеющих право на эту компенсацию.

Традиционная для стран англосаксонской правовой семьи казуистичность при конструировании правовых норм относительно ком-

пенсации вреда жертвам преступлений особенно четко показана на примере Великобритании, где законодательно определены минимальные выплаты за совершение конкретных преступлений, из которых и должен исходить суд, решая вопрос о сумме компенсации за причиненный вред.

В отдельную группу выделены страны — участники Содружества Независимых Государств, так как именно они имеют не только схожую с Россией структуру законодательства, но и правовые традиции, как в доктринальном, так и в законодательном смысле.

Наднациональные акты, направленные на возмещение вреда лицам, пострадавшим от преступлений, в рамках данного межгосударственного образования, в частности Модельный Уголовно-процессуальный кодекс государств — участников СНГ, используются наряду международными правовыми актами, принятыми ООН или в рамках Европейского Союза. Поэтому международный опыт, рассматриваемый в первой главе пособия, является основным ориентиром и для стран — участников СНГ.

Для этой группы государств характерно существенное внимание к законодательному регулированию вопросов компенсации вреда потерпевшим от преступлений. Приоритет отдается упрощению судопроизводства и расширению компенсационно-восстановительной направленности правосудия. При этом в ряде стран присутствует схожее регулирование права жертвы преступления на компенсацию причиненного вреда.

В Республике Беларусь развитие получили нормы о материальном воздействии на лиц, совершивших преступление, которое учитывается и для целей освобождения лица от уголовной ответственности в случае возмещения причиненного преступлением ущерба. Подобные тенденции мы наблюдаем в уголовном законодательстве Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Молдова, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Кыргызской Республики, Республики Туркменистан.

Существуют и свои особенности, например, в законодательстве Кыргызской Республики существует такой вид наказания, как тройной айып (аналог штрафа, кратного причиненному ущербу) и публичное извинение с возмещением ущерба, которое явно направлено на нивелирование последствий преступления для жертвы. При этом в Казахстане предприняты реальные попытки создания фонда помощи потерпевшим. На рассмотрение Мажилиса Парламента Республики Казахстан уже внесен проект закона «О Фонде компенсации вреда потерпевшим».

Потребовал отдельного анализа подход российского законодателя к возмещению вреда, причиненного преступлением, который представляет собой совокупность уголовного и уголовно-процессуального инструментария, а также гражданско-правовых способов компенсации вреда лицам, пострадавшим от преступлений, где уголовно-правовой инструментарий является гарантирующим, а сама компенсация реализуется в порядке гражданского судопроизводства.

При таком подходе основным недостатком являются длительные сроки и отсутствие гарантированности выплат, когда присужденная сумма может остаться невыплаченной в связи с отсутствием средств у лица, виновного в совершении преступления. Данная проблема частично решается в отношении потерпевших от террористических актов, но эти компенсации имеют ограниченный характер и не распространяются на случаи причинения вреда в результате других преступлений.

Следует обратить внимание на терминологию, используемую в работе, так как понятие «жертва преступления» является специальным по отношению к общему понятию «потерпевший». Дело в том, что на международном уровне и во многих странах используется легальный термин «жертва», под которым подразумевается лицо, физически или нравственно пострадавшее от преступного посягательства, в то время как потерпевшим может быть любое лицо, в том числе и юридическое. В России, например, такое различие отсутствует, так как нет четкого законодательного определения «жертвы преступления».

Представленное научно-практическое пособие может быть полезным для исполнительных, судебных и законодательных органов власти. Помимо профильных комитетов Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации данное исследование находится в сфере интересов Следственного комитета России, на сайте которого уже размещен проект Закона о потерпевших от преступлений.

Министерство юстиции РФ, Министерство труда и социальной защиты РФ тоже являются адресатами проведенного исследования. Практика судебных решений относительно компенсации вреда жертвам преступлений в иностранных юрисдикциях может привести новые подходы в решении этих вопросов со стороны Верховного Суда РФ.

Научно-практическое пособие может быть рекомендовано научным, педагогическим и практическим работникам в области уголов-

Введение

ного права, криминологии, уголовного процесса, а также смежных отраслей права. Успешно использоваться в научной деятельности, а также в учебном процессе по дисциплинам: Уголовное право, Криминология, Уголовно-процессуальное право, Уголовно-исполнительное право и др.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Возмещение материального вреда жертвам преступлений как важнейшая составляющая защиты прав человека регламентируется не только на внутригосударственном уровне посредством национального законодательства, но и находит отражение в международно-правовых и международных актах, принятых в рамках универсальных и региональных международных организаций. Такие коренные вопросы жизни государства, как права человека, демократия и верховенство права, перестают быть исключительно внутренним делом. Причина этого была указана во Всеобщей декларации прав человека: всеобщее признание неотъемлемых прав человека является «основой свободы, справедливости и всеобщего мира»¹.

Согласно Всеобщей декларации прав человека 1948 г. каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом (ст. 8). Несмотря на то что Всеобщая декларация прав человека не содержит конкретных механизмов, направленных на регламентацию возмещения материального вреда жертвам преступлений, ее положения во многом предопределили содержание в дальнейшем принимаемых международно-правовых и международных актов в рассматриваемой сфере. Это обусловлено в том числе тем обстоятельством, что положения Всеобщей декларации прав человека, несмотря на ее рекомендательный характер, приобрели статус международно-правовых обычаев, т.е. юридически обязательных международно-правовых норм.

Принятие современных международных актов (универсальных и региональных), направленных на защиту прав человека и гражданина в сфере уголовной юрисдикции и признаваемых в качестве общепризнанных стандартов, по мнению Е.М. Варпаховской, интенсивно стало происходить в XX в. после окончания Второй мировой войны².

¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для юридических факультетов и вузов. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 312.

² См.: Варпаховская Е.М. История развития международно-правовых стандартов по защите прав жертв преступлений // История государства и права. 2009. № 3.

Научное издание

**ВОЗМЕЩЕНИЕ
МАТЕРИАЛЬНОГО ВРЕДА
ПОТЕРПЕВШИМ**

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Научно-практическое пособие

Ответственный редактор
кандидат юридических наук, доцент
С.П. Кубанцев

Подписано в печать 25.09.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 21,9.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации